

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

154

РАННИЕ КОЧЕВНИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1978

К ВОСТОЧНЫМ АСПЕКТАМ ИСТОРИИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

История ранних кочевников Средней Азии и Казахстана, весьма скудно освещенная в дошедших до нас письменных источниках, на протяжении последних десятилетий все более полно реконструируется на базе широкого привлечения археологических материалов. Их интенсивное накопление позволяет постепенно заполнять существенные пробелы в наших сведениях и в то же время приводит к необходимости уточнения и даже пересмотра сложившихся представлений.

К числу насущных задач в этой области исследований с полным правом можно отнести создание детальной исторической периодизации, основанной на учете всех имеющихся фактических данных. Необходимой подготовительной ступенью для этого является выработка хронологической классификации археологических материалов, которая заменила бы ранее принятую рабочую схему, в основном повторяющую периодизацию, в свое время разработанную для западных областей степного пояса.

В связи с этим существенное значение приобретает оценка различных факторов, оказывавших воздействие на развитие ранних кочевников рассматриваемой территории, их состав и культуру. К таким факторам относятся контакты с ранними кочевниками восточных областей степного пояса. Отдельные свидетельства таких контактов отмечались исследователями, но интерпретация их обычно была затруднена ограниченностью фактической базы для сопоставлений. Основное внимание привлекали к себе те среднеазиатско-казахстанские материалы, которые говорили о западных связях.

Но на протяжении последних десятилетий заметно расширились данные о культуре племен, обитавших в восточной части степного пояса, включая Центральную Азию. Поэтому теперь мы можем более полно судить относительно роли этого направления связей, в частности и для времени, предшествующего большим миграциям, о которых мы уже располагаем хотя бы краткими сообщениями письменных источников. Следует отметить, что восточные связи вырисовываются уже в эпоху бронзы, когда на территории Казахстана распространена культура карасукского облика¹. Вне зависимости от точки зрения на истоки и конкретный ход процесса ее формирования имеются достаточно определенные свидетельства сильного воздействия племен, обитавших в Южной Сибири и Центральной Азии, очевидно, обусловленного какими-то передвижениями части последних на запад. Особого внимания заслуживает то, что это воздействие имело место в период, непосредственно предшествующий переходу обитателей степей к кочевой форме скотоводства.

Для оценки роли восточных областей в процессах, протекавших на территории степного пояса в скифскую эпоху, первостепенное значение имеют результаты раскопок большого царского кургана Аржан в Туве. По компетентному заключению М. П. Грязнова, здесь «скифская триада» сложилась раньше, чем в западных областях². Трудно переоценить значимость данного положения для понимания динамики распространения культур нового облика в степях. Теперь отчетливо вырисовывается потребность нового специального исследования вопросов о времени и путях формирования «скифской триады» с привлечением всех имеющихся сейчас материалов. Применительно к рассматриваемой территории к этому общему положению добавляются частные вопросы, касающиеся интерпретации фактов, указывающих на внешние контакты.

Так, например, заслуживает специального рассмотрения неоднократно отмечавшийся исследователями факт одновременного существования в Средней Азии и Казахстане в ранний период скифской эпохи черешковых и втульчатых наконечников стрел³, что, как известно, характерно прежде всего для восточных областей степного пояса. Новые материалы из памятников Центральной Азии дают основания предполагать, что территория возникновения черешковых наконечников стрел была шире, чем ареал господства андроновской культуры, в котором принято искать их прототипы. Сейчас еще нет возможности установить направление распространения таких наконечников стрел, но восточное происхождение их во всяком случае столь же вероятно, как и казахстанское.

Уже первый исследователь археологических памятников Восточного Памира А. Н. Бернштам отметил ряд важных восточных аналогий для материалов из раскопанных им на этой территории погребений скифской эпохи⁴. С появлением новых материалов из Центральной Азии круг возможных сопоставлений может быть расширен и конкретизирован. Следует считать очень существенным, что характерное для памятников Восточного Памира скорченное положение скелетов теперь вряд ли (без серьезных дополнительных обоснований) можно трактовать как пережиток более раннего обряда. Это положение устойчиво сохраняется на протяжении всей скифской эпохи в Туве и южнее ее и, таким образом, выступает как специфика большого массива племен Центральной Азии.

При учете других восточных черт (например, наличия деревянных наконечников стрел) скорченность погребенных приобретает важное значение для суждений о происхождении кочевников, периодически обитавших на Восточном Памире. Возможность видеть в них постоянное и многочисленное население (а тем более целую группу сакских племен) справедливо поставлена под сомнение исследованием С. С. Сорокина⁵. При отсутствии для рассматриваемых погребений достаточно близких параллелей по комплексу признаков в Средней Азии вполне допустимо предполагать, что они принадлежат кочевым обитателям соседних областей Центральной Азии, временами использовавшим эти высокогорные пастбища.

Важные объективные свидетельства предоставляют также палеоантропологические материалы, накопление которых продолжается параллельно с ростом археологических данных. Особого внимания заслуживают результаты исследования черепов из могильников Уйгарак и Тагискен: здесь выявлены монголоидные черты, по-видимому центральноазиатского происхождения, причем преимущественно у женщин⁶. Это говорит о наличии выходцев из восточных областей недалеко от Аральского моря. Контакты с ними, судя по палеоантропологическим данным, носили не эпизодический, а устойчивый и, видимо, длительный характер.

Приведенными выше фактами далеко не исчерпываются имеющиеся сейчас свидетельства ранних контактов между среднеазиатско-казахстанскими кочевниками и населением восточных областей степного пояса. Большинство новых материалов еще не опубликовано, и обращение к ним пока невозможно. Но тем не менее мы имеем достаточные основания считать, что это направление связей должно в полной мере учитываться уже с начала перехода обитателей степей к кочевому скотоводству. В частности, принимая во внимание свидетельства археологии (в том числе и относящиеся к эпохе бронзы) и сведения о повторяющихся миграциях с востока на запад со II в. до н. э., можно предполагать, что племенные передвижения в этом же направлении имели место также в скифскую эпоху.

Различные данные говорят о том, что следует с большим доверием и вниманием относиться к сообщениям античных источников о событиях, происходивших в глубинах Азии еще до середины I тысячелетия до н. э. Здесь имеются в виду хорошо известные рассказы Геродота (IV, 13) и некоторых других авторов о последовательном вытеснении одних пле-

менных групп другими, что привело к уходу киммерийцев в Малую Азию. Первоисточником этих сведений является недошедшая до нас поэма Аристея Прокопнесского «Аримаспея», вероятно, составленная с использованием каких-то данных, полученных от скифов.

Детальное рассмотрение упомянутых рассказов и связанного с ними круга сложных вопросов, их новый анализ позволили бы несколько полнее понять процессы и события, происходившие в степном поясе в начале скифской эпохи. Признание реальности крупных и локальных племенных передвижений представляется одним из необходимых условий для правильной реконструкции древнейших этапов истории ранних кочевников.

Весьма важной вехой в истории всей Средней Азии было передвижение в ее пределы во II в. до н. э. юечжей, первоначально обитавших на территории Центральной Азии⁷. Ввиду почти полного отсутствия сведений о них для предшествующего периода нет возможности установить, почему они избрали именно это направление. Можно лишь предполагать, учитывая некоторые другие данные, что здесь сыграли роль более ранние связи между южными областями Центральной Азии и Средней Азией, впоследствии послужившие базой для возникновения «шелкового пути».

Уход юечжей на запад, несомненно, должен рассматриваться как крупная по масштабам миграция большой и сильной группы племен. Об этом говорит характеристика оставшихся («малых») как слабых и мало-сильных, а также приводимые в источниках сведения о численности «больших» в I в. до н. э.: 400 тыс. человек, в том числе 100 тыс. воинов. Мы не можем установить, насколько точны эти цифры, но они во всяком случае исключают возможность предполагать, что в Среднюю Азию пришли лишь незначительные и небоеспособные остатки ранее существовавшего могущественного объединения. Против этого говорит и весь ход событий.

Первый этап движения юечжей закончился в Семиречье или на близлежащей территории⁸. Непосредственным следствием его было вытеснение отсюда сакских племен, положившее начало новой крупной миграции, завершившейся в Индии. Хотя нет оснований полагать поголовный уход саков, здесь произошли весьма существенные изменения в составе населения и политической ситуации. Последовавший вскоре второй этап миграции юечжей был обусловлен наступлением на них с востока усуней, ранее являвшихся их соседями в первоначальных местах обитания. Он завершился в Северной Бактрии: на этот раз конечной целью являлась область с земледельческим населением, а не степная территория. В данном случае мы также не знаем, было ли это направление случайным или сознательно выбранным, более вероятно последнее. Результатом вторжения юечжей на юг от Сырдарьи явилась гибель Греко-Бактрийского царства — событие, которое должно рассматриваться в одном ряду с происшедшей более чем на столетие раньше ликвидацией парнами власти селевкидских наместников в Парфии. В данном случае пришельцы из Центральной Азии выступили в качестве наиболее активной и решающей силы при завершении серии событий, отражавших общую тенденцию к ликвидации последствий завоеваний Александра Македонского. Этническая и политическая карта Средней Азии снова претерпела заметные изменения, имевшие далеко идущие последствия.

Создание юечжами в I тысячелетии н. э. обширной Кушанской империи привело к появлению ряда новых факторов, оказывавших воздействие и на кочевое население рассматриваемой территории. Возникновение сильного централизованного государства не могло не отразиться на традиционной системе взаимоотношений между жителями земледельческих оазисов и обитателями степей в сторону ее стабилизации. В новой ситуации для военной активности кочевого населения степей имелись лишь ограниченные возможности, и следует предполагать, что, наоборот,

кушаны распространили свое влияние (если не политическую власть) на северных соседей.

Весьма активная и успешная экспансия кушан на юге, в направлении Индии, позволяет предполагать вовлечение в нее кочевнической периферии. В данном случае возможны суждения по аналогии, опираясь на сведения об использовании парнами своих соседей в военных предприятиях, имевших такие же цели, на территории Ирана. При этом следует учитывать кочевническое происхождение как кушан, так и Аршакидов, стремление и тех и других к сохранению своего хозяйства и этнографической специфики.

Время существования Кушанской империи характеризовалось значительным расширением и упрочением связей Средней Азии с более восточными территориями, что особенно четко проявилось в установлении активных торговых сношений между ними по «шелковому пути». При этом археологические материалы показывают, что предметы восточного происхождения получили распространение также среди кочевников, обитавших вдали от этого пути и не связанных с транзитом товаров. К ним, очевидно, вели какие-то локальные пути, установить которые пока невозможно.

Вопрос о том, в какой мере юечжи оказали воздействие на культуры местных кочевых племен, пока еще фактически не исследован, что обусловлено в большой степени трудностью точно датировать соответствующие материалы. Немалое значение тут имеет и нерешенность проблемы кушанской хронологии. Но некоторые явления, отчетливо выраженные в первые века нашей эры, очевидно, следует связывать с появлением новых этнических элементов. Это — распространение подбойных могил, характерных, судя по памятникам Северной Бактрии, для юечжей, оружия и принадлежностей одежды определенных новых типов. Сходство ряда этих элементов с теми, которые хорошо известны у сарматских племен, неоднократно отмечалось исследователями, однако оно не дает никаких оснований сомневаться в их непосредственной связи в данном случае с пришельцами из Центральной Азии.

Для правильного и всестороннего понимания процессов, происходивших на протяжении первых веков нашей эры в среде кочевого населения северных областей Средней Азии, необходимо планомерное исследование многочисленных там могильников так называемого подбойно-катакомбного типа. Трудности, возникающие при их интерпретации, наглядно свидетельствуют о сложности этих процессов и воздействии на них различных факторов. Среди них весьма важное место принадлежит одному крупному племенному передвижению с востока — переселению в Семиречье усуней. Это также была миграция больших масштабов, хотя, по-видимому, проводившаяся на менее значительных пространствах. Численность усуней составляла по данным источников 630 тыс. человек⁹, т. е. их было больше, чем юечжей.

Появление усуней завершило процесс смены населения в Семиречье и соседних районах, хотя источники сначала упоминают о наличии тут также отдельных групп саков и юечжей¹⁰. Позднее это уже не повторяется, что говорит о малочисленности и быстрой ассимиляции этих групп. Этому не противоречат и материалы из исследованных тут памятников. Письменные источники упоминают усуней вплоть до V в. н. э., из чего можно сделать вывод о прочном освоении ими новых земель. Археологические данные указывают на то, что территория их расселения с течением времени расширялась, но когда и как это происходило, установить невозможно из-за трудностей в точной датировке памятников.

Усуни были новой политической силой в Средней Азии. В известной мере они явились действенной преградой для расширения зоны военных и дипломатических предприятий Ханьского двора в западном направлении. В то же время их численный перевес, вероятно, ограничивал сферу

активности Кушанской империи в северо-восточной части Средней Азии. Таким образом, усунь являлись существенным фактором в сохранении относительно стабильной ситуации на значительной части Азиатского материка.

Следует с должным вниманием относиться также к их роли в развитии связей между Средней Азией и более восточными областями. Хотя фактические сведения здесь ограничены, некоторые суждения возможны. Известно, что «шелковый путь» проходил южнее Семиречья, но, несомненно, существовали какие-то ответвления от него в северном направлении, использовавшиеся как в дипломатических, так и в торговых целях. Во всяком случае с уверенностью можно говорить о том, что одно из них связывало ставку усуней с Восточным Туркестаном и через него с Дальним Востоком; судя по известным нам фактам политической истории, оно функционировало длительное время.

Всестороннее исследование культуры усуней на основе накопившихся сейчас обширных археологических материалов следует считать одной из насущных задач в области изучения ранних кочевников Средней Азии и Казахстана. При этом серьезного внимания заслуживает вопрос о соотношении ее с культурами населения разных областей Центральной Азии. Своеобразие погребального обряда усуней — в частности, ограниченность сопровождающего инвентаря в могилах — создает определенные трудности. Но тем не менее очевидно, что можно будет выявить некоторые формы керамики и металлических изделий, характерные и для более обширной территории на восток от Средней Азии.

Неоднократно рассматривавшийся в специальной литературе вопрос об интерпретации сходства между археологически фиксируемыми культурами саков и усуней должен решаться с полным учетом сообщений письменных источников, в достоверности которых, как правило, нет оснований сомневаться. Само это сходство имеет немалое значение для суждений об этнической принадлежности усуней, и притом не меньшее, чем попытки установления их языка по дошедшим до нас титрам, именам и географическим названиям. Как показывает опыт исследования титулатуры и ономастики сюнну и гуннов, здесь требуется весьма осторожный и критический подход к восстановлению древних звучаний, а также учет большой вероятности заимствований.

Весьма существенным пробелом наших знаний о ранних кочевниках Средней Азии и Казахстана является недостаточность сведений о племенах, именуемых в источниках канцзюй. Это название известно с конца II в. до н. э., что, однако, само по себе не позволяет делать какие-либо определенные выводы о времени его появления. Это было, судя по данным о численности¹¹, крупное племенное объединение, но о местах его обитания имеется лишь весьма общее указание, что канцзюй жили северо-западнее Ферганы¹². Это позволяет искать их ориентировочно на среднем и нижнем течении Сырдарьи и в областях, расположенных северо-восточнее этой реки. Более точных сведений нет, что сильно затрудняет атрибуцию и соответственно привлечение археологических материалов для решения неясных вопросов.

Со значительной степенью вероятности можно предполагать, что канцзюй были прямыми потомками ранее обитавших здесь сакских племен и, таким образом, одной из основных местных групп ранних кочевников рассматриваемой территории в последние века до нашей эры и первые века нашей эры (наряду с потомками массагетов в Закаспии). Несмотря на удаленность от путей движения племен восточного происхождения, и они не избежали определенного воздействия со стороны последних. Так, письменные источники указывают, что канцзюй на юге признавали власть юечжей, а на востоке — сюнну¹³. Эти данные относятся ко II в. до н. э.; сколь длительно было подчинение и когда оно прекратилось, сведений не имеется. Но из последующих событий, в частности среднеазиатской эпо-

пей шаньюя Чжичжи, видно, что связи с востоком сохранялись и в дальнейшем.

Весьма показательно, что завершающим эпизодом событий 91 г. н. э., приведшим к фактическому уничтожению могущества северных сюнну, было бегство шаньюя последних на запад: по одним данным, к усуням, по другим — в Канцзюй¹⁴. Из указаний источника, что «малосильные» остались севернее Кучи, видно, что с шаньюем ушло значительное число его подданных. Все это дает основание полагать, что в конце I в. н. э. какая-то группа беглецов из Монголии обосновалась в пределах Казахстана — вероятно, на землях канцзюй.

В 1940 г. А. Н. Бернштам, основываясь на результатах своих раскопок Кенкольского могильника на Таласе, сделал попытку выделить здесь материалы, связанные, по его мнению, с сюнну¹⁵. Эта попытка оказалась неудачной ввиду неверных датировок и увлечения исследователя своей недостаточно обоснованной исторической концепцией¹⁶. Тем не менее, вопрос о пребывании сюнну на рассматриваемой территории не может быть снят. Кроме упомянутых известных письменных источников, необходимо учитывать и свидетельства археологических материалов, как старых, так и новых. На некоторые из них, наиболее показательные, уже обращалось внимание ранее¹⁷, что избавляет от необходимости повторять соответствующие сопоставления. Следует лишь подчеркнуть, что назрела необходимость заново рассмотреть указанный выше вопрос с использованием как средне-, так и центральноазиатских материалов, значительно возросших за последние десятилетия. Не предрекая результатов будущего исследования, можно во всяком случае констатировать распространение в среде определенных групп кочевого населения Казахстана довольно отчетливых черт культуры восточного происхождения.

Приток нового населения с востока продолжался затем в IV в. н. э. и, вероятно, также в V в. н. э. Появление в этот период хионитов, а затем эфталитов привело к созданию нового обширного политического объединения во главе с кочевнической династией. Однако оно просуществовало недолго и пало под ударами тюрков. Указанные два столетия остаются «темным» периодом, для которого еще нет достаточно твердо датированных археологических материалов. Кроме того, нет также возможности уверенно связывать последние с упоминаемыми в источниках племенами гуннов.

Все изложенное выше позволяет прийти к заключению, что восточные связи в разных их проявлениях были одним из важных факторов, оказывавших заметное влияние на историю ранних кочевников Средней Азии и Казахстана. Они начались уже на позднем этапе эпохи бронзы и затем продолжались с разной степенью интенсивности вплоть до средневековья. Крупные племенные передвижения приводили к изменению состава населения степных областей, к внутренним локальным его перемещениям, создавали новые политические ситуации и способствовали распространению элементов культуры, не свойственных местным кочевым племенам. Кроме того, в определенные периоды активную роль играли торговые сношения с востоком, в которые вовлекались также области, лежавшие в стороне от магистральных путей.

Необходимость всестороннего учета этого фактора при выработке периодизации истории ранних кочевников рассматриваемой территории вряд ли требует дополнительных доказательств. Конечно, следует брать за основу этапы развития местных племенных групп и учитывать такие явления, как пока еще гипотетическая миграция с востока в начале скифской эпохи, смена населения в Семиречье и расселение юечжей в Среднеазиатском междуречье во II в. до н. э. Можно полагать, что периодизация — отчасти именно в силу сказанного — будет отличаться от принятой для западных областей степного пояса. Для нее необходимо, судя по всему, более детальное членение на периоды, или этапы, и учет

различий путей развития отдельных племенных групп, обусловленных прямо или косвенно воздействием восточных соседей и последствиями крупных миграций.

- ¹ Грязнов М. П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. — СА, XVI, 1952; Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 68 сл.
- ² Грязнов М. П. К хронологии древнейших памятников эпохи ранних кочевников. — Успехи среднеазиатской археологии, 3. Л., 1975, с. 9 сл.
- ³ См., например: Маргулан А. Х. и др. Древняя культура..., с. 376 сл.
- ⁴ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, № 26, 1952, с. 318 сл.
- ⁵ Сорокин С. С. О хронологических формулах и значении термина «могильник». — Успехи среднеазиатской археологии, 3. Л., 1975, с. 17 сл.
- ⁶ Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972, с. 112.
- ⁷ Точные даты всех событий, связанных с движением юечжей на запад, неизвестны.
- ⁸ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена, т. II. М.—Л., 1950, с. 183.
- ⁹ Там же, с. 190.
- ¹⁰ Там же, с. 191.
- ¹¹ Там же, с. 184.
- ¹² Там же, с. 150, 184.
- ¹³ Там же, с. 150.
- ¹⁴ Там же, с. 259.
- ¹⁵ Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. Л., 1940.
- ¹⁶ Сорокин С. С. О датировке и толковании Кенкольского могильника. — КСИИМК, 64, 1956.
- ¹⁷ Мандельштам А. М. К гуннской проблеме. — В кн.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975, с. 236.

Л. Р. КЫЗЛАСОВ

К ИЗУЧЕНИЮ ОЛЕННЫХ КАМНЕЙ И МЕНГИРОВ

За последнее время проблема оленных камней из традиционной локальной темы археологов Сибири и Центральной Азии превратилась в важную проблему и для исследователей, изучающих древние культуры западной оконечности степного пояса Евразии. Было известно, что, кроме Забайкалья, Монголии и Тувы, оленные камни встречаются в южной части Горного Алтая, относящейся территориально к Восточному Казахстану и Горно-Алтайской АО¹. В 1948 г. я обнаружил оленный камень простейшей формы на р. Кенгир в Центральном Казахстане. В 1964 г. был опубликован оленный камень из Оренбургской обл.² Наконец, два несомненных оленных камня найдены на Балканах, в Болгарии и Румынии³. Обращает на себя внимание, что оленные камни, известные к западу от Алтая, не несут собственно оленных или других звериных изображений и потому, вероятно, являются наиболее ранними, относящимися ко времени, предшествующему распространению скифо-сибирского звериного стиля. Это подтверждается тем, например, обстоятельством, что оленный камень из с. Белоградец в Болгарии найден в насыпи кургана, сооруженного в VIII—VII вв. до н. э.⁴

Несомненно, что распространение ранних оленных камней так далеко на запад связано с миграцией в предскифское время какой-то степной этнической группы из Южной Сибири или Северо-Западной Монголии. Вероятнее всего, это были носители карасукских традиций в материальной культуре, которые в Центральном Казахстане оставили не только олен-

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

176

СРЕДНЯЯ АЗИЯ И КAVKAZ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1983

- ¹² Ханзадян Э. В. Элар-Дарани. Ереван, 1979, с. 37—43. На арм. яз.
- ¹³ Байбуртян Е. Последовательность древнейших культур Армении.— Рук. Арх. ИЭА АН АрмССР, д. 148, с. 38, 74, 79.
- ¹⁴ Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триаleti. Тбилиси, 1941, с. 5—7; Кушнарева К. Х. Тазакендский могильник в Армении, с. 146; Иессен А. А. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи.— МИА, 1965, № 125, с. 18—19; Мартиросян А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, с. 48; Ханзадян Э. В. Гарни IV, с. 100. На арм. яз.; Хачатрян Т. С. Древняя культура Ширака, с. 109.
- ¹⁵ Мартиросян А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, с. 42.
- ¹⁶ Арешян Г., Симомян А., Саркисян Г., Кочарян Г., Оганян О. Полевые археологические работы..., с. 212, 216—217.
- ¹⁷ Караханян Г., Азизбекян Г. Древняя литейная форма из Сюника.— ВОН АН АрмССР, 1981, № 2, с. 75—76.
- ¹⁸ Хачатрян Т. С. Материальная культура древнего Артика. Ереван, 1963, с. 52, рис. 6.
- ¹⁹ Симомян А. Е. Раскопки могильника Верин Навер в 1977—78 гг.— В кн.: Тез. докл., посвящ. итогам полевых археол. исслед. в АрмССР (1977—1978 гг.). Ереван, 1979, с. 8—9. На арм. яз.; Он же. Раскопки могильника Верин Навер.— АО 1978. М., 1979, с. 524—525.

А. М. МАНДЕЛЬШТАМ

О «ВПУСКНЫХ» ПОГРЕБЕНИЯХ В КУРГАНАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЗАКАСПИЯ

В 1963 г. при исследовании курганов позднего этапа эпохи бронзы в могильнике Патма-сай, расположенном у северных склонов горного массива Больших Балхан¹, в двух случаях были обнаружены своеобразные «впускные» погребения. Точнее, здесь следует говорить о более позднем использовании их каменных насыпей для сооружения наземных камер — своего рода перестройке, не вызвавшей в принципе нарушения основных захоронений. Раскопки указанного памятника производились на начальном этапе археологического изучения территории Закаспия, вследствие чего возможности сопоставлений и интерпретации этих погребений фактически отсутствовали.

За истекшие годы здесь велись систематические исследования, благодаря которым получены важные и полноценные сведения о памятниках разных периодов, их особенностях и территории распространения. В свете новых данных «впускные погребения» могильника Патма-сай приобретают определенный интерес для дальнейшей разработки некоторых вопросов археологии этой части Средней Азии.

Число «впускных погребений», обнаруженных в Закаспии, крайне ограничено, вследствие чего наличие их в каждом случае явно заслуживает внимания. В западных же областях степного пояса Европы, с которыми существовали связи уже с эпохи бронзы, положение совершенно иное: впускные погребения разных периодов в более ранних курганах представляют собой обычное явление.

В кургане 1 могильника Патма-сай каменная насыпь была деформирована ее частичным сползанием по склону и имела овальную форму (7,0×5,3 м) при высоте 0,85 м. При разборке насыпи выявлена разрушенная в верхней части глухая наземная камера подпрямоугольной формы 1,9×1,3 м, вытянутая с юга на север (рис. 1). Она находилась в северо-восточном секторе насыпи, где наблюдалась концентрация относительно крупных камней; дно ее располагалось на уровне древнего горизонта. В первоначальном положении сохранились горизонтально лежащие камни, образующие нижний слой кладки стенок. Внутренние контуры камеры неровные (за исключением северного торца): камни и небольшие плиты уложены вплотную друг к другу, но признаков перевязки не прослеживалось. Высота, очевидно, была близка к высоте насыпи в момент ее «перестройки». В заполнении камеры имелись многочисленные камни. Под ними прослеживались остатки слоя перегнившего тростника, местами толщиной бол

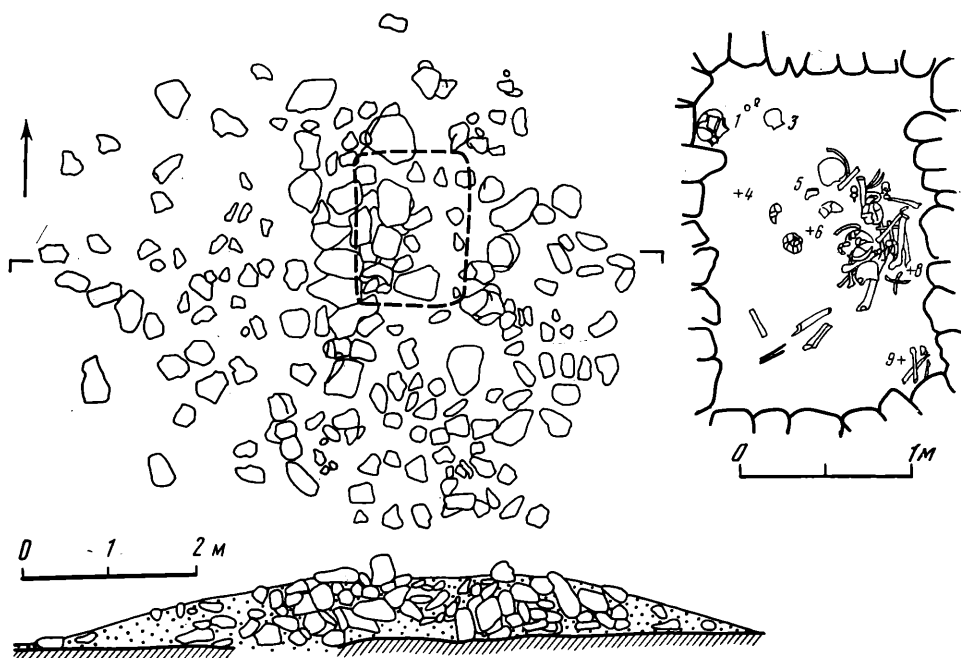

Рис. 1. Могильник Патма-сай, курган 1. План и разрез

1—3 — горшок; 2 — обломок зеркала; 4 — обломок железного крючка; 5 — обломок горшка, 6 — каменная пуговица; 7 — браслет; 8 — бусина; 9 — обломок бронзовой пластинки

0,2 м. Среди тлена встречались отдельные обломки человеческих костей. На дне камеры обнаружены лишь беспорядочно разбросанные кости и их обломки, принадлежащие трем скелетам. Их скопление, вытянутое с юга на север, имелось около середины восточной стенки: в нем находились обломки черепов.

Вблизи от северо-западного угла найден раздавленный лепной круглодонный горшок с шаровидным туловом и очень низкой горловиной (рис. 2, 1). Внутри горшка находилась кость овцы (ножка). Восточнее его лежали небольшой обломок бронзового дисковидного зеркала (рис. 3, 1) и лепной круглодонный горшок с шаровидным туловом и слабо выделенной горловиной (рис. 2, 2). Внутри него находились угли и четыре гальки со следами воздействия огня.

Западнее скопления костей, между ними и стенкой, обнаружены: обломок нижней части железного крючка (рис. 3, 5), обломки лепного круглодонного горшка с шаровидным туловом (горловина не сохранилась) (рис. 2, 3) и небольшая каменная дисковидная пуговица (?) (рис. 3, 3).

Среди костей скопления у восточной стенки находились: бронзовый браслет из овальной полоски с незамкнутыми, находящими друг на друга концами (рис. 3, 2) и стеклянная шаровидная бусина. Вблизи от юго-восточного угла лежал небольшой обломок бронзового предмета-пластинки (рис. 3, 4).

В кургане 3 насыпь относительно правильной круглой формы диаметром до 7 м с концентрацией камней в центральной части, где они слегка просели. Высота ее посередине 1,05 м. При разборке было установлено, что здесь имелась развалившаяся выкладка — обычный в этих местах «тур». Под камнями, уложенными, очевидно, в недавнее время, была раскрыта четырехугольная глухая камера размером 1,9×1,8 м, вытянутая с запада на восток. От нее сохранилось только основание — стенки с одним-двумя слоями кладки. Они сложены из сравнительно небольших обломков плитняка и вытянутых камней: частично они уложены вплотную друг к другу, по без перевязки. Внутренние контуры стенок неровные. Камера заполнена беспорядочно лежащими камнями. Под ними был толстый слой пере-

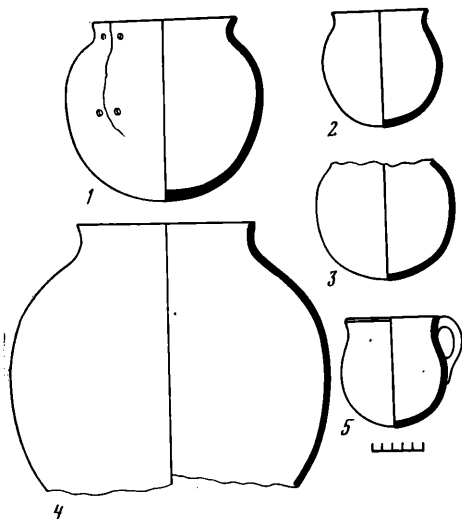

Рис. 2. Могильник Патма-сай. Впускные погребения. Глиняные сосуды

1—3 — из кургана 1; 4, 5 — из кургана 3

гнившего камыша, сильно нарушенного во всей центральной части. Толщина слоя около стенок до 0,3 м. В нарушенных участках встречались обломки костей человека.

На дне камеры обнаружено небольшое количество разбросанных костей, принадлежащих, по-видимому, трем скелетам. Значительная часть их составляет три скопления, вытянутых с юга на север; но в каждом из них имеются кости разных скелетов. Обломки черепов находились преимущественно в западной части камеры: в числе их имеются принадлежащие ребенку.

В северо-восточной части лежали разбросанные обломки большого лепного горшка, по-видимому, шаровидной формы с очень низкой горловиной (рис. 2, 4). На наружной поверхности его стенок имелись пятна плотной сажи. У середины западной стенки лежало каменное точило

(рис. 3, 6), несколько восточней его — железный крючок (рис. 3, 9).

В средней части камеры найдены два железных ножа (рис. 3, 7, 8) и часть лепного глиняного круглодонного горшка с овальным туловом и вертикальной ручкой (рис. 2, 5). В южной части находились обломки второго большого, по-видимому, шаровидного, лепного горшка.

На бедренных костях, лежавших в средней части камеры, прослеживались пятна окислов бронзы треугольной формы, являющиеся, по-видимому, признаками бывшего наличия здесь наконечников стрел. Из-за ограбления камер в древности (возможно, в то время, когда бронзовое оружие представляло ценность) нельзя установить положение скелетов. Наличие вытянутых с юга на север скоплений костей, возможно, свидетельствует о том, что они лежали вытянуто в меридианальном направлении. Относительная многочисленность обломков глиняных сосудов в северной части как будто говорит о том, что они помещались там.

Обе описанные камеры сильно разрушены. Наблюдения над характером развала стенок позволяют лишь предполагать, что высота их вряд ли превышала высоту самих курганов в момент перестройки. Использование лишь камней неправильной формы и небольших обломков плитняка, а также отсутствие признаков перевязки в кладке говорят о том, что это были сравнительно простые сооружения. Устройство перекрытия осталось неясным, но отсутствие больших плит не дает оснований предполагать существование ложного свода или сплошного плоского перекрытия. В то же время наличие толстого слоя остатков камыша, может быть, следует рассматривать как свидетельство отсутствия специального конструктивного перекрытия. В таком случае речь может идти о простом заполнении верхней части камеры после укладки над захоронениями нескольких слоев циновок или связок камыша камнями различной величины. В целом первоначальный облик этих погребальных сооружений после перестройки курганных насыпей можно было бы представить себе как полусферический округлый каменный курган с глухой камерой внутри, не выделяющейся специальным перекрытием.

Не менее сложен вопрос о датировке рассматриваемых погребений.

Вся керамика однотипна и характеризуется прежде всего круглым дном; выделяется лишь один сосуд, снабженный вертикальной петлевидной ручкой. Аналогичная керамика была найдена в сооружении 2 могильника Гекдаг II² вместе с бронзовыми наконечниками таких типов, ко-

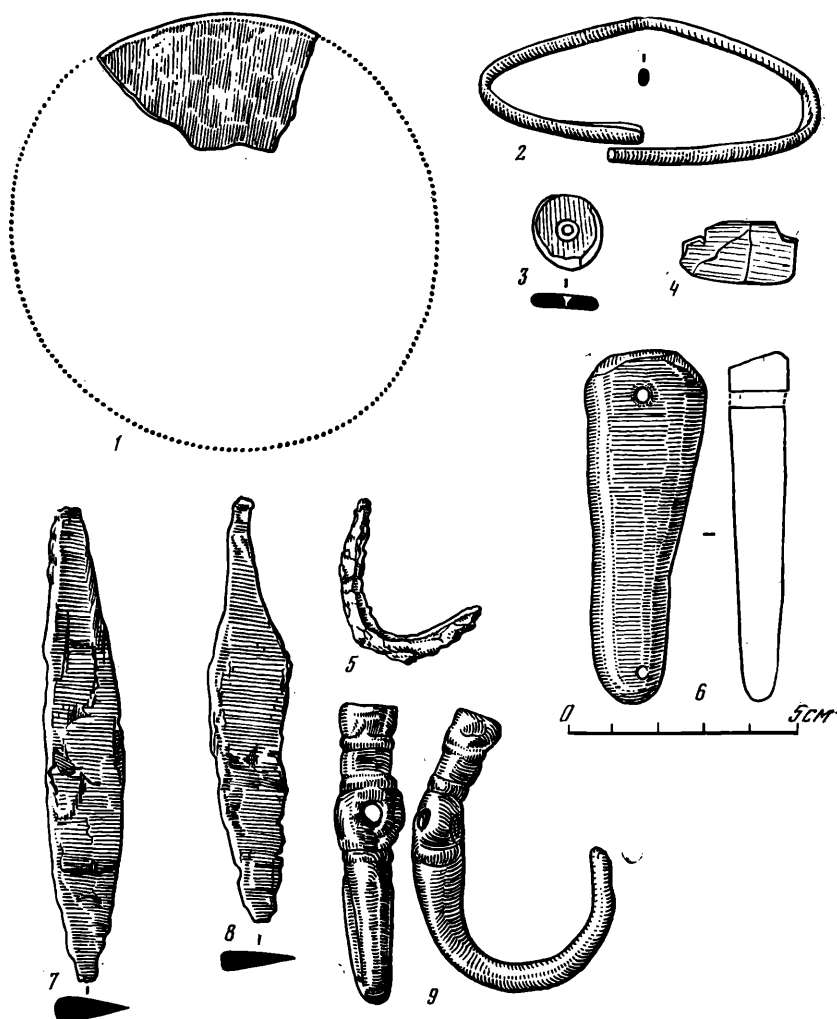

Рис. 3. Могильник Патма-сай. Впускные погребения. Различные предметы

1—5 — из кургана 1; 6—9 — из кургана 3; 1, 2, 4 — бронза; 3, 6 — камень; 5, 7—9 — железо.
1, 3 — горшок; 2 — обломок зеркала; 4 — обломок железного крючка; 5 — обломок горшка;
6 — каменная пуговица (?); 7 — браслет; 8 — буса; 9 — обломок бронзовой пластинки

торые, по общепризнанной периодизации К. Ф. Смирнова, были распространены в западных степях степного пояса в V—III вв. до н. э. Комплексы, представленные в могильниках, исследованных на протяжении последних лет³, свидетельствуют о том, что в целом круглодонные горшки бытовали более длительное время. По-видимому, их можно рассматривать как одну из характерных черт материальной культуры ранних кочевников Закаспия. Показательно использование большого круглодонного горшка в качестве костехранилища⁴.

Вместе с тем следует учитывать, что время появления круглодонной керамики в Закаспии пока еще не может быть установлено, так же как и возможные ее прототипы. Сопоставление комплексов находок из разных погребальных сооружений, исследованных за последние два десятилетия, позволяют лишь прийти к заключению, что в целом наблюдается тенденция к уменьшению в них удельного веса круглодонной керамики при одновременном росте числа привозных сосудов, изготовленных на гончарном круге. Поскольку последние не представлены в рассматриваемых погребениях, состав керамики, по-видимому, свидетельствует в пользу относительно ранней их датировки.

Железный крючок, найденный в камере кургана 3, характеризуется заметно изогнутой стержневой частью и наличием в ней отверстия, расположенного значительно ниже верхнего конца — в пределах округлой выпуклости, обрамленной сверху и снизу валиками. Сходный крючок (но без валиков) найден в кургане 3 Ново-Кумакского могильника (относящегося к савроматскому периоду) вблизи от Орска⁵. Сопоставимы в данном случае и бронзовые крючки этого же времени из могильника у с. Липовка Оренбургской области. Один из них (случайная находка) также имеет округлое утолщение с отверстием в нижней половине стержневой части, другой (из кургана 3) — аналогичное расширение без отверстия⁶. Близкую аналогию представляет собой миниатюрный бронзовый крючок, найденный в Закаспии в погребальном сооружении южнее колодца Чарышлы⁷, по-видимому, относящемся к IV—III вв. до н. э. Однако прямая синхронизация в данном случае затруднена ввиду различий размеров, очевидно, отражающих различия в назначении⁸.

Таким образом, вероятная датировка, установленная по разным предметам, в данном случае лежит в одних и тех же пределах. Наиболее вероятной следует считать V—IV вв. до н. э. В пользу этого говорит также отсутствие в камерах предметов, обычно находимых в погребальных сооружениях, относящихся к более позднему времени: курильниц, прясел, перстней и серег.

По устройству и конфигурации рассматриваемые камеры во многом очень близки к камерам теперь уже сравнительно хорошо известных монументальных наземных погребальных сооружений типа склепов, широко распространенных на территории севернее Больших Балхан, вероятно, начиная с IV в. до н. э. Но вместе с тем между ними наблюдаются заметные различия. Отчетливо выступает большая простота их конструкции. Стенки здесь сложены не из массивных плит, а из небольших обломков плитняка и уплощенных камней, в кладке их отсутствуют перевязка и забивка щелей, внутренние контуры не выровнены ни в горизонтальной, ни в вертикальной плоскости. Нет также никаких признаков столь характерного для упомянутых сооружений типа склепов выступания концов верхних рядов кладки стенок внутри и перекрытия типа ложного свода (или купола). Внешний вид «перестроенных» курганов, очевидно, также был иной: в частности, тут отсутствуют наружные стенки-кладки. Обращают на себя внимание также меньшие размеры камер и меньшее число погребенных.

При всем этом следует иметь в виду, что сравнительно недалеко от Патма-сай, северо-восточнее и восточнее его, расположено несколько могильников, состоящих из монументальных сооружений типа склепов.

На территории севернее Больших Балхан более простой конструкцией характеризуются также синхронные «перестроенным» курганам ограды в могильниках Гекдаг II и Джанак II. В первом случае правильнее говорить о более сложном погребальном сооружении, так как, кроме камеры, имеется наружная стенка; последнее — черта, сближающая с сооружениями типа склепов. Следует упомянуть также о наличии сооружений сходного более простого устройства в разграбленном могильнике, расположенном в 2 км восточнее г. Казанджика.

Все это позволяет высказать предположение, что камеры «перестроенных» курганов могильника Патма-сай принадлежат к одному из ранних этапов формирования погребальных сооружений типа склепов. Прямоугольная форма их в дальнейшем стала преобладающей. Параллельно, вероятно, шло и развитие округлых оград, результатом которого явились сооружения с круглой камерой. Следует допустить возможность того, что совершенствование конструкции и строительных приемов не было повсеместным и одновременным процессом: оно могло протекать преимущественно на территории расселения господствующей части той группы племен, которая в древности населяла Закаспий.

⁵ Мандельштам А. М. Погребения срубной культуры в Южной Туркмении.—

КСИА, 1966, вып. 108, с. 105, и сл. В кургане 1 основное погребение пол-

- ностью разрушено, что, однако, вряд ли следует считать одновременным с сооружением наземной камеры.
- ² *Мандельштам А. М.* К характеристике памятников ранних кочевников Закаспия.— КСИА, 1976, вып. 147, с. 22 и сл., рис. 2.
 - ³ Например, могильник у колодцев Чырышлы. См.: *Юсупов Х. Ю.* Исследование курганных памятников вдоль верхнего Узоя весной 1973 г.— УСА, 1975, вып. 3, с. 49, рис. 18, 2, 7.
 - ⁴ Могильник Ялкым, сооружение 1. См.: *Юсупов Х. Ю.* Памятники древних кочевников заузбойского плато (Чо-лынкыр).— В кн.: Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981, с. 139, рис. 30, 7.
 - ⁵ *Мошкова Г. М.* Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орск.— МИА, 1962, № 115, с. 206, 222, рис. 4, 4.
 - ⁶ *Смирнов К. Ф., Попов С. А.* Савроматско-сарматские курганы у с. Липовка Оренбургской области.— В кн.: Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972, с. 12, рис. 5, 1, с. 7, рис. 4, 4.
 - ⁷ *Юсупов Х. Ю.* Исследования курганных памятников вдоль верхнего Узоя весной 1973 г.— УСА, 1975, вып. 3, с. 49—50, рис. 21, II.
 - ⁸ Малые размеры крючка из могильника южнее Чырышлы затрудняют возможность считать его колчанным: вернее, следует предполагать использование его для подвеса каких-то небольших предметов. Учитывая выявленные в последние годы признаки параллелизма в развитии предметов вооружения населения Закаспия и савромато-сарматских племен, уместно обратить внимание на заключение М. Г. Мошковой о том, что в раннепрохоровских погребениях в III—II вв. до н. э. колчанные крючки почти полностью исчезают (*Мошкова М. Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1947, с. 26).

И. Н. ХЛОПИН, Л. И. ХЛОПИНА

ВТОРОЙ СЕЗОН РАСКОПОК МОГИЛЬНИКА ПАРХАЙ II

Могильник Пархай II, расположенный на западной окраине поселка Кара-Кала (Красноводская обл., Туркменской ССР), открыт в 1977 г.¹ Первый сезон раскопок был проведен в 1978 г.²

В 1979 г. вскрыто 25 погребальных сооружений (25—46), четыре из них (27, 31, 38 и 42) использовались дважды с некоторым временным интервалом.

Новые материалы, особенно по могилам 39 и 44, позволяют ставить вопрос о местном происхождении сумбарской культуры эпохи поздней бронзы (1350—1000 гг. до н. э.). Погребальное сооружение могилы 39 представляет собой катакомбу с одиночным погребением (рис. 1, 1). Круглая в плане шахта ведет в овальную погребальную камеру размерами 1,6×1,3 м, вход в которую был заложен пятью рядами кладки из крупноформатных сырцовых кирпичей; камера расположена к западу от входного колодца. В камере находился скелет женщины, ориентированный головой на север; покойная была уложена на правый бок спиной к входу с согнутыми в коленях и тазобедренных суставах ногами и с кистями рук перед лицом. У колен была поставлена большая хумча для воды (рис. 1, 8), в головах найдены чечевицеобразное пряслице из белого камня и пять сосудов: сферический горшок с отогнутым венчиком (рис. 1, 7), коническая чаша раструбом (рис. 1, 5), две глубокие сферические чаши (рис. 1, 3—4) и яйцевидный сосуд со сложным носиком (рис. 1, 6).

Погребальное сооружение могилы 44—также катакомба, но худшей сохранности (рис. 1, 2). Овальная погребальная камера 1,7×1 м имела вход с южной стороны. В камере найден скелет женщины на левом боку лицом к входу, головой на восток. Ноги сильно согнуты в коленях, плечи развернуты в положение «на спине», кисти рук прижаты к плечам. При погребенной найдено четыре сосуда: хумча и сосуд с открытым носиком в головах, маленький горшочек у пояса и коническая чаша у колен.

Если сравнить эти два погребения с могилами поздней бронзы, можно выявить ряд общих черт и тенденций развития отдельных элементов. Так, для погребального обряда эпохи поздней бронзы характерны: катакомба